

**К ОФИЦЕРАМ РУССКОЙ АРМИИ. История
Потебни, русской военной организации
и уроки Польского восстания**

Михаил Бакунин

1870, Январь

Оглавление

I. Введение. Обращение к армии	4
II. Кем был Потебня?	6
III. Революционная организация	8
IV. Революционер. Программа и дисциплина	11
V. Устройство комитета	15
VI. Потебня и Комитет	18
VII. Потебня и польское дело	22
VIII. Солдаты и офицеры	25
IX. Русская военная организация Потебни	30
X. Вопрос о границах Польши	33
XI. Отношение поляков к русскому делу	38
XII. Бессилие Варшавского Комитета и начало Восстания	41
XIII. Отношение к реакционному бунту	46
XIV. Русского бунт в прошлом и его задачи в будущем	50

Напечатано за подписью Бакунина; упоминается в его письмах и в объявлениях в «Колоколе» 1870 года, которого три номера издали Бакунин и Нечаев, и на обертке брошюры «Всемирный союз рабочих». – Мы не имеем оригинала этой прокламации и должны переводить ее с французского перевода, напечатанного в книжке «Alliance de la democratie socialiste» и прочее 96-101. – М. Драгоманов.

В книге, составленной Драгомановым «Письма Бакунина к Герцену и Огареву», перевод с французского этой брошюры оказался далеко неполным. Здесь приводится полный оригинал Брошюры на русском языке из Амстердамского архива бакунинских сочинений.

Брошюра написана в январе 1870, Локарно, Швейцария, издана в Женеве. Брошюра насчитывала 39 страниц.

Брошюра представляет собой пересказ личной истории офицера-революционера Потебни, активного деятеля русской военной организации в Польше в подготовке Польского восстания 1863-1864 годов. Через эту историю Бакунин демонстрирует свое видение устройства революционной организации, личных качеств революционера и задач революции. Также в этой Брошюре Бакунин делает работу над ошибками в подготовке восстания 1863-1864 годов, освещая ее уроки для русских революционеров. В оригинале нет разбивки по главам, главы были добавлены для удобства чтения. Также в оригинале не было приписки к названию "История Потебни, русской военной организации и уроки Польского восстания". – прим. публикатора.

I. Введение. Обращение к армии

Наступает час последней борьбы между Романовским Гольштейн-Готторпским Государством и между русским народом, между татарско-немецким игом и между широкою славянскою волей. Весна у нас на носу, а в ранней весне бой начнется¹.

Всякий человек, к какому сословию или даже полу он ни принадлежал, должен поэтому спешить свести с собой счеты, и решить окончательно, к какой из обеих сторон он может, должен и хочет пристать. Серединничество становится невозможным, потому что ни та, ни другая сторона серединников не потерпят.

Весьма важно будет для торжества народного дела решение, которое будет принято войском. Если оно воспрянет вместе с народом за святое дело народа, кровопролития почти не будет, а будет только поголовное изгнание за пределы России всех дармоедов и белоручек, для того чтобы они научились на чужой стороне зарабатывать хлеб насущный, в поте лица своего, личным трудом. Поплатятся только поганой жизнью своей, сверху до низу, все палачи, сыщики и помощники их – все мучители народных людей и народа. – Великодушный в победе своей, народ, позабыв *множество* старых грехов и старых обид, предоставит всем остальным или убираться подобру-поздорову куда им будет угодно, или умереть с голоду на месте, или жить вольно на освобожденной русской земле, работая вместе и наравне с народом.

Если же войско примет сторону палачей народных, тогда будет другое дело. Для того, чтобы низложить громадную и организованную военную силу, революционная народная партия принуждена будет вызвать из возбужденной страсти народа все ужасы беспощадного разрушения и истребления.

От войска зависит избавить Россию от такого несчастья. И для этого у него средство только одно: перейти на сторону нашу, слиться с войском народным. Офицеры русского войска, мы полагаем на вас большую надежду! Особенно рассчитываем мы на союз офицеров армейских, менее подверженных подлым прельщениям двора, менее упитанных царскими милостями из кармана народа. Перед нами носится незабвенная память нашего друга Потебни, положившего голову в последнем польском восстании, с знаменем «Земля и Воля» в руках, за русское, народное дело.

¹ Как сказано в письме Бакунина Нечаеву, Бакунин был обманут Нечаевым о близости грядущего восстания и о существовании и силе некоего «Комитета»:

«...Вы были убеждены в нем [в восстании] более чем наполовину, когда приезжали ко мне в Локарно, а между тем Вы говорили мне с полнейшей уверенностью и самым утвердительным образом о близости необходимого восстания. Вы обманули меня, и я, подозревая или чувствуя инстинктивно *обман*, сознательно и *систематически* отказывался верить *в него*; Вы продолжали говорить и действовать точно, как будто бы Вы говорили мне чистую правду. Если бы в свой бытность в Локарно Вы показали бы мне настоящее положение дела и в отношении народном, и в отношении к организации, я написал бы воззвание свое к офицерам в таком же самом направлении и духе, но другими словами; и это было бы и для меня, и для Вас, а главное, для самого дела лучше. Я не стал бы им говорить о предстоящем движении».

II. Кем был Потебня?

Потебня был простой человек; простой по положению, по чину и по воспитанию. Сын не богатого малороссийского дворянина, он был поручиком во втором или четвертом стрелковом батальоне, не помню, стоявшем в Польше, в начале польского восстания. Воспитался он во втором кадетском корпусе, значит учился, как большая часть из вас, на медные деньги. Все, что он знал, вычитал он большей частью из русских журналов. Чтение *Колокола* имело на него, как и на всю современную ему молодежь, большое влияние. Ум его простой, но здоровый, не отличался ничем, разве только трезвым, практическим смыслом. Но у него была душа богатырская и сам того не зная, он был героем без всякого рисования и риторства. Он верил в возможность дела, был убежден в необходимости его, *он смел делать*, и раз предприняв дело, он вел его неуклонно вперед, не сворачивая ни на право, ни на лево и не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Он сложил за него свою голову. Какая-же была цель *его* дела?

Цель одна и та же что и теперь: Полнейшее освобождение народа, не только из под гнусного царского ига, гнетущего его в продолжение веков, но вместе с ним и из под ига всех государственных сословий: Чиновно-дворянского, казенно-церковного и кулацко-купеческого, с незапамятных времен, всех с царями и под их покровительством обирающих и ныне разоряющих до конца наш народ, – Потебня скоро пришел к убеждению, что весь этот поганый мир льготных людей, необходимо низвергнуть и разрушить до конца, так чтобы и следов его не осталось на освобожденной русской земле, и что без полнейшего разрушения льготного мира, свобода русского, да и польского народа не мыслима. Поняв это, Потебня весь отдался святому делу разрушения, делу народного освобождения.

Хоть и дворянский сын, Потебня любил народ не на шутку. Он вычитал эту любовь не из книжек, он вынес ее из опыта и из жизни. Ежедневный свидетель безмерных страданий народа, он отдал ему свою душу, и весь отдался великому делу его освобождения, а также и мщения его. Потебня ненавидел существующий порядок с той же горячей и вместе с тем глубокой страстью, с какой любил народ. Обе страсти, любовь и ненависть, слившись в одну, стали единственным, исключительным побудителем всех его действий и всей жизни его.

Сердце у него было горячее, но наружность его была холодная. В крепкой и ясной натуре его не было места для романтических и драматических увлечений. Глубокая страсть, не исключавшая рассудка, и озаренная ясно понятыми и раз на всегда принятыми началами, вполне выражалась в его ровной, всегда постоянной, но непреклонной воле. Он был скуп на слова, трезв в обсуждении всякого дела, но за то делал всегда гораздо больше, чем говорил. Предпринимая дело, он не обольщал себя, не упивался легкомысленными ожиданиями. Но предвидя возможность, даже вероятность неудачи, раз убедившись в необходимости начать дело, он вел его до конца, не устрашаясь исхода.

III. Революционная организация

Предприняв такое громадное дело, каково было и есть, разрушение всего сословно-государственного мира в России, он понимал, что для совершения его надо было создать силу. Элементы силы всегда существуют в народе, но для того, чтобы создать из них силу действительную, необходимо организовать их. Само государство ничто иное, как организация народных сил, направленная только против интересов народных, ради исключительной пользы всех привилегированных или государственных сословий. Для того, чтобы разрушить эту пагубную, сословно-государственную организацию, надо было создать противную ей организацию – революционно-народную.

Заговор, заговор настоящий, создающий настоящую силу, нелегкое предприятие. Само государство, эта противонародная организация народных сил, держится только постоянным заговором всех правительственно-льготных сословий против народа. Но этот заговор, ведомый открыто и называющийся государственным правом и делом, имеет за себя все интересы сословные и все предрассудки, традиции, привычки народные; благословение всех возможных церквей, сотни миллионов рублей, *законным образом* ежегодно сдираемых с народа, миллионное войско, бесчисленную бюрократию, толпы жандармов и шпионов, одним словом, целую правильную, открытым образом существующую организацию; а во вне, все происки дипломатий, этого интернационального заговора всех притеснителей против порабощенных народов и деятельную помощь всех остальных государств, когда дело идет об усмирении народного бунта.

Понятно, что кто в первый раз встретится с огромностью предстоящей задачи, может усомниться в возможности успеха. Где взять достаточно силы для того, чтобы сломать такую громадную силу? Может ли кучка людей, кучка, состоящая даже из нескольких тысяч заговорщиков, сломать и низвергнуть ее? Это казалось и было действительно возможным, когда государственная организация была еще в своем детстве, и когда все существование государства покоилось на нескольких десятках или даже сотнях людей; но теперь, при усовершенствовании цивилизации, и при настоящей организации государственных сил, это кажется невозможным. Да, оно действительно невозможно там, где за кучкой заговорщиков не стоит народная масса; там, где цель заговора не есть вместе с тем и народная цель; или что все равно, там, где программа заговорщиков не есть чистейшее и полнейшее выражение инстинктов и требований народа, не есть прямой ответ на все запросы его. Такова была программа Декабристов; она была создана вне народа, а потому, не смотря на самоотверженное геройство своих участников, Декабрьское дело рушилось о равнодушие народа.

Не такова была программа Потебни, не такова наша программа. Он, равно как и мы, ничего не хотел, кроме того, чего хочет народ: Земли и Воли, Народно-общинного землевладения и на освобожденной земле, очищенной от всех дармоедов, вольной и привольной жизни для всех, основанной на равном труде, на равном вознаграждении труда.

Потебня чувствовал за собой народную силу и потому верил в возможность и в успех заговора. Народная сила за нас, в этом быть не может сомнения. Кто только мало-мальски знает Россию, кто дает себе труд замечать то, что происходит вокруг его ежедневно, тот знает каковы мучения и обиды народные, тот знает до какой степени

народ ненавидит всю эту воровскую и злобно притеснительную правительственную, чиновно-дворянскую, поповскую и полицейскую сволочь, составляющую, собственно, у нас государство; как он в действительности ненавидит само государство. Если народ наш не встал еще поголовно и не сокрушил этого поганого государства, так это только потому, что он не сознал еще всей своей силы и не умеет сплотиться.

Дать ему вполне это сознание, вот единственная цель революционной пропаганды; сплотить его разрозненные, стихийные силы в единую, всесокрушающую мощь – вот цель революционной организации.

Для такой работы мало сил и воли одного человека, будь он семи пядей во лбу и будь он вооружен богатырскою волей; для исполнения ее необходимо дружное, *коллективное*, непрерывное и главное, единому плану строго подчиненное действие нескольких сотен людей. Надо чтобы эти люди, связанные между собой не только единой, народно-революционной программой, не только общими началами, но и действительной, полнейшей и безусловной солидарностью воли и дела, а такая солидарность может быть достигнута и осуществлена только посредством строжайшей организационной дисциплины, основанной на полнейшем самоотвержении и самозабвении каждого – надо, говоря я, чтобы они всегда и везде действовали, как один человек.

Создать такую организацию не легко; но, если раз она создана, революционная сила готова, и при существовании глубокого и повсеместного недовольства народа, такого на пример, какое существует ныне в целой России, победа ее несомненна. Тайная организация, это как бы штаб революционного войска; а войско – целый народ.

В воззвании *«Несколько слов к молодым братьям в России»*, я говорил о том, что Стенька Разин, который поведет народные массы в будущем, столь явно приближающемся разгроме Всероссийской Империи, будет не богатырь одинокий, а Стенька Разин коллективный. Для всякого не дурака должно было быть ясно, что я под этим разумел тайную, *уже теперь существующую и действующую* организацию, сильную своей дисциплиной, страстной преданностью и самоотвержением своих членов и безусловным подчинением каждого *всем* приказаниям и распоряжениям *единого Комитета* всезнающего и никому неизвестного.

IV. Революционер. Программа и дисциплина

Члены этого Комитета вполне отреклись от себя; вот что дает им право требовать от всех сочленов организации самоотречения безусловного. Они до такой степени отказались для себя лично от всего, что составляет главный предмет искания всех тщеславно-самолюбивых, честолюбивых и властолюбивых людей, что отказавшись раз навсегда от личной собственности, от официальной или публичной власти и силы, и вообще от всякого значения в гражданском обществе, они обрекли себя на вечную неизвестность, предоставляя другим славу, внешний блеск и шум дел, и оставляя для себя, опять-таки не лично, а коллективно, только сущность его, как иезуиты, только не с целью порабощения, а освобождения народного, каждый из них отказался даже от собственной воли. В Комитете, равно как и во всей организации, мыслит, хочет, действует не лицо, а только коллективность.

Такое отречение от собственной жизни, от собственной мысли и от собственной воли, для многих покажется невозможным и даже возмутительным. Оно действительно трудно, но вместе с тем необходимо. Особенно трудно покажется оно начинающим и только что вступающим в организацию; людям еще не отвыкшим от пустословного, мишурного фанфаронства; людям играющим в полную честь, в личное достоинство и право, и вообще потешающим себя теми жалкими призраками воображаемой человечности, за которыми, в нашем русском обществе проглядывает полнейшее покорение всех и каждого условиям самой гнусной и самой подлой обыденной действительности. Оно покажется трудным для тех, кто в деле ищет потехи для своего самолюбия, предлога для фразы, любит в нем отражение своего собственного драматически рисующегося лица, а не самое дело; а также для тех, кто находясь на пороге организации и не втянувшись в дело, еще не успел понять необходимых и непеременимых условий его торжества, стремление к которому становится в них потом, мало-помалу и по мере их практического ознакомления с ним, страстью всепоглощающей, исключаящей и подавляющей все другие личные страсти. Под неотступным влиянием тайной революционной практики, люди живые, способные, сильные и действительно преданные народному делу, все более и более отрешаются от мелких страстишек и побуждений, наполнявших их прежнюю жизнь; проникаются все более и более коллективной страстью, коллективной мыслью, коллективной волей и дисциплиной организации, и тем самым приближаются само собой к центру организации; а чем они становятся к нему ближе, тем шире и разнообразнее становятся естественным образом деятельность их.

Организация требует от всех своих членов отнюдь не отречения от мысли, воли и страсти. Ей необходимы умные, сильные и страстные, а именно сдержанно-страстные люди. Она требует только, чтобы человек, вступающий свободно и сознательно в ее ряды, отказался бы раз и навсегда от тщеславного своеволия мысли и страсти, – требует, *чтобы он был последователен сам с собой.*

Да, она требует только последовательности от него. Всякий новый член вступает в нее свободно, зная, что, вступив в нее раз, он принадлежит уж ей, не себе. Вступление в организацию свободно; но выход из нее невозможен, потому что всякий член, выходящий, непременно подверг бы опасности само существование организации, которая не должна зависеть от легкомыслия, капризов или большей или меньшей степени скромности, честности и силы одного или нескольких лиц. В стране, где одного полицейского подозрения достаточно для того, чтобы подвергнуть каждого

человека самым грозным пыткам, организация должна смотреть на выходящих как на изменников... И потому вступая в нее, каждый должен знать, что он отдает себя ей, со всем, что у него есть сил, средств, умения и жизни, *безвозвратно*.

Поэтому, *легкомысленное* вступление в организацию – вещь невозможная. Для того, чтобы желать участвовать в ней, человек должен быть побуждаем самым серьезным мотивом, и глубокой страстью. Но организация ни других мотивов, ни другой страсти не признает, кроме единой страсти к делу народного освобождения. Это ясно и определенно высказано в обнародованной ей программе, обязательной столько же для членов Комитета, сколько и для всех остальных членов ее, находящихся вне Комитета. Организация так мало отрицает ум и мысль во всех членах, что прежде всего обращается к мозговому приготовлению и настроению каждого нового человека, изъявляющего желание вступить в ее ряды, и не принимает его пока не убедится, что он понял вполне и всецело усвоил себе ее народно-революционную программу.

Программа эта свойства такого, что половинчатое отношение к ней невозможно. Она или вся принимается или отвергается вся. Но ни один человек не может принять ее серьезно и искренно, пока ненависть ко всему существующему ныне политическому, гражданскому и экономическому порядку и желание его беспощадного разрушения не стали в нем преобладающей и всепоглощающей страстью. Поэтому уже самым вступлением своим в организацию, новый член заявляет, что в нем эта страсть существует, так что организации остается только проверить *на практике*, не обманул ли он себя и ее. Проверка не трудная, потому что первые шаги человека на поприще общего дела, ясно и определенно обозначают характер и способности каждого.

Если эта страсть в нем действительно существует, то все что организация от него потребует, будет для него легко. Известно, для страсти трудности не существует, она не признает невозможного, и чем неопределимее кажутся препятствия, тем сильнее напрягается воля, умение и сила возбужденного ей человека. В ком эта страсть существует, в том не может быть места для личных страстишек; он даже не жертвует ими, потому что они в нем более не существуют. Жертвы приносят только люди, повинующиеся богословскому или метафизическому долгу, а не люди, действующие под влиянием действительной страсти. У таких людей не может быть ни самолюбия, ни честолюбия, ни любостязания, ни чуждых ей сердечных побуждений, ни усталости и ни стремления к покою. Страсть не знает усталости и не терпит покоя. Попирая все что не она, она денно и ночью стремится к своему предмету, к своей единой и исключительной цели.

Всякий человек, вступающий в ряды организации с той страстью, которая лежит в основании ее, естественным образом может хотеть только одного: *торжества народного дела*, на основании принятой им всецело организационной программы. Все остальное, касается ли оно его самого, или самых близких ему людей, *сравнительно и относительно*, для него трин-трава, ибо лишь только он действительно встал на такую высоту революционной страсти, он сам возненавидит все что может повредить и помешать делу.

Он возненавидит прежде всего праздноглагольство и праздное любопытство. Он с яростью будет преследовать всякую тень словесного щегольства и парламентского пустоговорения в кружках; во-первых, потому, что оно чрезвычайно опасно,

ибо всегда кончается жандармским визитом; а главное потому, что оно действует разлагающе на организацию и на всех членов ее, вызывая тщетные споры, борьбу сопоставленных лиц и стремление создавать разные партии в среде самой организации, которая создана не для словопрений и не для личной потехи более или менее способных членов своих, а единого дела ради. Всякое лишнее, даже невинное слово вредно, потому что, тратя драгоценное время и деморализуя и как бы расслабляя энергию членов организации, мешает быстроте ее движений и действий, а в этой быстроте ее главная сила.

Серьезный член общества убил в себе самом всякое любопытство и преследует его беспощадно во всех других. Хотя он и сознает себя достойным всякого доверия, и именно, потому что он его достоин, то есть что он серьезный человек, он не ищет и не хочет знать ничего, кроме того, что ему необходимо для лучшего исполнения возложенного на него дела. Он говорит о деле *только с тем* и *только то*, что ему приказано говорить; и вообще он сообразуется безусловно и строго со всеми приказами и инструкциями, полученными им свыше, не спрашивая и не стараясь даже узнать на какой степени организации он находится сам; желая только естественным образом, чтобы ему было поручено как можно больше дела, но ожидая вместе с тем терпеливо, чтобы оно было возложено на него.

Такая железная и безусловная дисциплина может удивить и даже оскорбить новичков; но она не удивит и не оскорбит, а напротив, порадует и вместе успокоит всякого серьезного члена, всякого действительно умного и сильного человека, лишь бы только в нем действовала та всепоглощающая страсть народного торжества, о которой я говорил выше. Серьезный член поймет, что именно такая дисциплина есть необходимый залог относительной безличности для каждого члена, условие *sine qua non*² общего торжества, и что только она одна может сплотить действительную организацию и создать коллективную революционную силу, которая, опираясь на стихийную мощь народную, будет в состоянии побороть и разрушить громадную силу государственной организации.

² без чего невозможно.

V. Устройство комитета

Иные спросят: как же нам довериться диктаторскому руководству неизвестного нам Комитета?

Но Комитет вам известен: во-первых, по своей программе столь определенной и ясной, обнародованной им и объясняемой еще подробнее каждому вновь вступающему в организацию. Он рекомендуется вам, во-вторых, тем безусловным доверием, которое имеют к нему известные вам и уважаемые вами лица, доверие, которое заставляет вас вступить именно в эту, а не в другую организацию. Действительным же членам организации, он становится скоро еще более известным своей неутомимой, решительной и всюду проникающей деятельностью, всегда сообразной с программой и с целью организации. И все покоряются ему охотно, убеждаясь все более и более, на самой практике, с одной стороны в его истинно удивительной предусмотрительности, бдительности, разумной энергии и в целесообразности его распоряжений, а с другой, в спасительности и необходимости такой дисциплины.

Комитет представляет всем членам организации еще другое обеспечение. Всем известно, что он есть тело коллективное, в котором каждый член подвергается тому же самому неумолимо-строгому, взаимному контролю, какому подвергаются все остальные члены организации. Ни один из членов его не может действовать сам по себе. Все делается коллективно и действия каждого из них всегда и везде прозрачны для всех остальных. Поэтому в комитете не может быть места для личного честолюбия, тем более что все члены его обрекли свои имена на вечную неизвестность, а самих себя на пожизненную общественную незначительность. Удайся завтра революция, ни один из них не выйдет на свет и не займет видного места. Комитет останется тайным, выдвигая наружу людей находящихся вне его, может быть даже людей чуждых целой организации, и довольствуясь тем, что эти люди будут выполнять предназначения его.

В Комитете не может быть также и партий. Уже потому не может их быть, что две главные производительные причины всех партий: личное честолюбие и личное корыстолюбие в нем уничтожены в корне. Нет возможности развиваться ни тому, ни другому там, где мысль, дело, самое достояние, одним словом, все общее. Наконец, зарождение партий возможно только там, где честолюбивые или тщеславные лица могут интриговать втихомолку и производить стачки одних членов против других. Такие стачки и такие интриги при взаимном полнейшем контроле и при совершенной прозрачности действий каждого члена, решительно невозможны.

Каким же образом набирается необходимое число членов Комитета, и каким образом, в случае нужды, это число пополняется и расширяется? Я уже сказал: все члены организации тем ближе становятся к центру, чем более они проникаются, не на словах, а на деле, духом и страстью организационной программы, чем более показывают самоотвержения, энергии и способности в исполнении возложенных на них поручений. Члены приближаются к центру или принимаются в него на основании фактических доказательств, при чем разумеется всегда берется в соображение не так называемая личная заслуга, или личное право принимаемого, а только польза организации, польза народно-революционного дела.

Меня могут спросить: Если личный состав Комитета остается для всех тайной непроницаемой, каким же образом могли вы собрать о нем все эти сведения и убедиться в его действительной состоятельности?

Отвечу на этот вопрос откровенно. Мне не известен ни один из членов Комитета, ни число его членов, ни даже местопребывания его. Знаю только, что он существует не за границей, а в России, как и быть должно, потому что заграничный революционный Комитет для России, такая нелепость, которая может породиться разве только в голове бестолково-честолюбивых и пустозвонных фразеров эмиграции, скрывающих свое тщеславно-суетливое и злостно интригующее безделье, под громким именем «Народного Дела»³.

Около года тому назад, Комитет найдя полезным известить меня о своем существовании, прислал мне свою программу, с изложением общего плана революционного действия в России. Согласный и с тем, и с другим, и убедившись в серьезности дела, равно как и людей, предпринявших его, я сделал то, что, по моему убеждению, должен сделать всякий честный эмигрант за границей: подчинился безусловно власти Комитета, как единственного представителя и руководителя революционного дела в России. Обращаясь к вам ныне, я повинуюсь требованию самого Комитета. Больше вам сказать ничего не могу.

Прибавлю только одно слово о том же предмете. Я достаточно ознакомлен с планом целой организации, для того, чтоб быть вполне убежденным, что никакая сила не может теперь разрушить ее. Если бы даже в предстоящей борьбе, народная партия потерпела новое поражение – чего, однако никто из нас не боится – мы все верим в близкое торжество народного дела, но если бы даже наши надежды не сбылись, то и тогда бы, посреди самого бедственного разгрома народного восстания, и посреди самой дикой реакции, организация останется цела и невредима. Основанная на безусловной, фанатичной и неизменной преданности всех членов, а главное на глубоко народном характере своей программы, она так крепка и вместе так неуловима, что никакая сила, ни хитрость под нее подкопаться не может. Ее враги ее не найдут; но найдут и обопрутся о ней все друзья по положению, по инстинкту, по осмысленной страсти – а число таких друзей быстро растет во время реакции – и будет она набирать новых членов, крепнуть и расширяться, до тех пор, пока не создаст новой силы, достаточной чтобы разрушить в конец поганое государство.

³ Название журнала, издаваемого этими эмигрантами в Женеве, и теперь почти неизвестного в России. 1-й № его (Сентябрь 1868) принадлежал почти исключительно мне, в остальных же я не согласен ни с содержанием, ни с формой. (Примечание Бакунина).

VI. Потебня и Комитет

Как бы Потебня был счастлив, если бы существовал при нем такой Комитет и такая организация! Он страстно искал их, и не нашел. В нем не было генеральских претензий, ни тени честолюбия или славолюбия; он искал только дела, и готов был работать, незная, как темный работник, исполняя строго и отчетливо предписания начальников организации. Он понимал глубоко всю важность железной дисциплины в таком деле, и готов был подчиниться всякому Комитету, лишь бы только программа этого Комитета была согласна с его началами, и лишь бы он был деятельный Комитет, Комитет, делающий дело.

В надежде найти такой Комитет, он приехал сначала в Лондон. Там я в первый раз встретился с ним. Это было осенью в 1862 году, за несколько месяцев перед последним Польским восстанием. Он обратился к нам, то есть к издателям *Колокола*: Огареву и Герцену, а также и ко мне, стоявшему подле *Колокола*. Мы приняли его, разумеется, горячо; согласились даже, по его требованию, быть *временными* посредниками между русской военной организацией в Царстве Польском и между Польской организацией, до тех пор, пока не отыщется в России Комитет настоящий. И вместе с тем мы объявили ему, в чем он, разумеется, и согласился с нами вполне, что этот Комитет в Лондоне существовать не может, а должен существовать и действовать в России, и что, если бы мы знали о существовании такого Комитета, мы первые подчинились бы ему. Наконец мы просили его съездить в Петербург – разумеется тайно, потому что в это самое время вся жандармерия гонялась за ним по целому Царству Польскому – и по некоторым адресам, отчасти данным ему нами, отчасти полученным помимо нас в Варшаве, отыскать будто бы образовавшийся там Комитет революционной организации, для того, чтоб войти с ним, если он действительно существует, в непосредственные сношения. Потебня послушался нас и отправился в Петербург; нашел там кружок людей, называвший себя именем «*Комитета Общества Земли и Воли*», и двух-трех свиданий было достаточно, чтоб убедить его, что этот Комитет пустоцвет.

Месяц спустя, он возвратился в Лондон, и вот что он нам сказал об этом Комитете: «В нем нет ничего серьезного, ни даже зародыша чего-нибудь серьезного. Большая часть его членов, фанфароны конспирации и революции, дети, рисующиеся друг перед другом и потешающие себя громкими и пустыми фразами; дети не только по годам – это бы еще ничего, самому Потебне не было более 22 или 23-х лет, а он был человек с ног до головы серьезный – но дети по уму, по способностям и по совершенному отсутствию воли, оплота и настоящего знания. Между ними есть несколько людей искренних, желающих, но не умеющих делать, и во всем этом Комитете нет даже и тени знакомства с настоящей Россией. Народная жизнь для него закрытая книга. Наконец у него нет ни организации, ни даже связей и сношений с провинцией. Так, что если называть его Комитетом, то отнюдь уж не Русским, а пожалуй только Петербургским; да и в самом Петербурге влияние его очень слабо, а действительная сила ничтожна; так что, говоря между нами, весь этот Комитет ничто иное как пуф, на который поэтому мы ни опереться, ни от которого никакого руководства и никакой поддержки ждать не можем. А все-таки, прибавил Потебня, мы должны признать и действовать, разумеется, самостоятельно, но под его именем,

потому что никакой другой организации и никакого другого Комитета нет в России⁴, а для нас *мнение*, что существует Комитет и организация – необходимо... Наконец в этот мнимый Комитет могут войти со временем люди серьезные и обратить его в действительный Комитет».

Мы последовали совету нашего друга Потебни. *Колокол* громко признал существование и власть «Комитета Земли и Воли» и в продолжении нескольких месяцев печатал его распоряжения и прокламации, до тех пор, пока этот бедный Комитет, не выдержав первого напора реакции, не разъехался.

И так Потебня, после тщетных поисков руководящего Комитета, должен был действовать один, без всякой поддержки и без всякой организации, разумеется, кроме польской, которая ему помогла отчасти и только в *своем духе* и для своих, исключительно польских целей, и кроме той русской организации, которую он успел создать сам между русскими офицерами, унтер-офицерами и солдатами в Царстве Польском. Положение его было самое трудное. Он должен был действовать в стране чужой, враждебно и недоверчиво относящейся ко всему что носит русское имя.

Нет ничего естественнее, и скажу, законнее в мире, как ненависть Поляков против Русских. Вот уже более ста лет, как Русские в руках Всероссийского Государства играют роль кнута против этого несчастного, но непокорного народа. И так, за польское недоверие и за польскую ненависть к нам, мы не имеем ни малейшего права сердиться. Тем не менее, мы должны признать, как несомненный общественно-психологический закон, постоянно подтверждаемый опытом, что недоверие вызывает недоверие, а ненависть порождает ненависть, и особливо в массе людей, не получивших никакого образования и непривыкших отдавать себе отчета в общем характере и причинности фактов. Таковы, например, наши солдаты. Прежде всего надо было победить в них естественное, инстинктивное недоверие к Полякам, для того чтобы довести их до того, чтоб они стреляли не в Поляков, а в своих генералов, ведущих их против Поляков.

Задумать великое дело легко, но совершить его трудно. Прежде всего надо было создать организацию, потому что без организации не сделаешь шагу. К кому обратиться? Разумеется, к товарищам, офицерам. И вот Потебня, никому неизвестный

⁴ Потебня ошибался, но ошибка его была естественная. Он сам, равно как и мы, не имел никаких сношений с провинцией, где, в разных местах, а особливо на Востоке, существовали кружки и комитеты, местные, не центральные, гораздо более серьезные и деятельные, чем Петербургское общество «Земля и Воля», и не имевшие ничего общего с ним. В этих кружках, состоявших большей частью из семинаристов, этих натуральных и по самому положению своему наиболее серьезных посредников между революционной мыслью и народом – в этих кружках, говорю я, народно-революционная программа была выработана гораздо глубже и гораздо ближе к настоящей программе, чем у книжных социалистов общества «Земли и Воли». Не было в них также недостатка в людях энергичных, преданных до конца и способных к делу. Но вследствие отсутствия серьезного центра, способного соединить их, все эти кружки мало или почти ничего не знали друг о друге, и разбросанные, разъединенные, естественным образом замирали в своем одиночестве, обрекавшем их на бессилие. После дворянского заговора Декабристов, первая попытка серьезной организации была сделана Ишутиным и его товарищами. Настоящая организация есть первая окончательно удавшаяся организация революционных сил в целой России. Она воспользовалась всеми приготовлениями, опытами, элементами, а также и всеми ошибками всех предшествовавших ей попыток. Ее никакая реакция разъехаться не заставит, она переживет все правительства. И не перестанет она действовать до тех пор, пока вся программа ее не станет русской обыденной жизнью, не станет жизнью всесветной. (Примечание Бакунина)

поручик или подпоручик, право не помню, стал искать себе между ними товарищей для великого дела. И что же? Нашел и создал военную организацию, состоявшую более чем из двух сот офицеров, соединившихся с ним на основании русской народно-революционной программы. Он создал ее в продолжение немногих месяцев.

VII. Потребня и польское дело

Положение Потебни и его товарищей было трудно, не только в отношении к русским солдатам. Оно было еще деликатнее и труднее в отношении к польской, революционной организации, с которой они вступали в союз, по примеру, данному им, скоро будет теперь пятьдесят лет тому назад, самым способным, решительным и последовательным революционером между всеми Декабристами, первым практическим социалистом в России, незабвенным полковником Пестелем⁵.

Потебня встретил те же самые затруднения, которые в двадцатых годах, так много помешали Пестелю. Во-первых, глубокое недоверие и не совсем остроумное пренебрежение Поляков; и, во-вторых, глубокая разница, существовавшая и существующая еще доселе между программами русской и польской. Что касается до двух первых препятствий, то есть недоверия и пренебрежения, то сначала они не были еще так чувствительны, благодаря посредничеству одного Поляка, также офицера и вместе с тем члена революционного польского Комитета. Этот Поляк, которого я не называю потому, что он жив и действует теперь, был другом Потебни. Они воспитывались в одном корпусе, и когда они встретились в Варшаве, они стали действовать за одно, с полным взаимным доверием. Благодаря своему двойному положению в армии и в польском Комитете, Поляк был в состоянии оказать большую помощь Потебне, который опираясь на нее, мог разъезжать даром по целому краю и останавливаться и скрываться во всех городах, местечках и селах Царства Польского, везде охраняемый могучей польской организацией. К несчастью, Поляк был арестован, посажен в крепость, и тогда положение Потебни затруднилось до нельзя.

Положение Потебни, в сравнении с положением Декабристов, вступивших в переговоры с Поляками, представляло еще то неудобство, что Декабристы были во всех отношениях, совершенно независимы от Поляков, а Потебня и вся организация в отношении материальном находилась у них в полнейшей зависимости. Вся эта организация состояла из бедных армейских офицеров. Значит денег не было ни копейки; а деньги были необходимы и для переездов, и для корреспонденции, и для посылки курьеров, одним словом, для всех обыденных надобностей революционной организации. Тщетно искал их Потебня то в Лондоне, то в Петербурге, в то же самое время как искал Комитета, и не найдя ничего, должен был по неволе прибегнуть к помощи польской и ограничиться ей. Был заключен род договора между польской организацией и военной русской, по которому первая обязывалась давать последней, в виде революционного займа, все нужные средства для ее расширения, усиления и пропаганды. Но это ставило русскую военную организацию в самое невыгодное и

⁵ Замечательно, что говорит об этой первой попытке сближения и соглашения между русскими и польскими революционерами, Мохнацкий, современник, участник и вместе историк польской революции 1830 года, в которой он был одним из предводителей самой красной партии, по тогдашним польским понятиям, и которую он описал в сочинении поныне глубокоуважаемом всеми польскими демократами. У меня нет этого сочинения под рукой, и я перевожу собственные слова его по памяти, но ручаюсь за верность их смысла. Описав подробности первой встречи между Пестелем и Бестужевым-Рюминым с одной стороны, и князем Яблоновским и двумя другими, которых я позабыл фамилии, с другой, Мохнацкий говорит: «Должно сознаться, что русские патриоты приступили к этим переговорам с полнейшей откровенностью и с ясным пониманием условий, как нашего, так и своего положения: польские же патриоты выказали напротив, и незаслуженное недоверие, и чрезвычайное легкомыслие. Может быть судьба всего Севера была в их руках... они все могли сделать и не сделали ничего». (Примечание Бакунина).

тяжелое положение – тем более тяжелое, что между программами русской и польской ничего почти не было общего.

Уже Мохнацкий указал на эту глубокую разницу, по поводу первых переговоров между русскими и польскими революционерами, в двадцатых годах; Пестель и его товарищи были республиканцами и, хотя в другой форме чем мы, чуть ли не социалистами. Поляки были монархистами. Пестель был федералист, он мечтал о федеративной славянской республике, Поляки же были тогда, как и теперь, отчаянные централисты. Но теперь разница еще более расширилась и углубилась. Мы хотим разрушения Всероссийского Государства; они стремятся всеми усилиями к восстановлению Польского Государства. Мы хотим отдать всю землю народу, или вернее, хотим, чтобы народ взял всю землю в общее владение. Поляки напротив, страстные поборники личной собственности, шляхетской собственности: и в то время, как мы стремимся к совершенному уничтожению, так называемой мещанской и государственной цивилизации, основанной именно на этой собственности, для того, чтобы очистить место для цивилизации общечеловеческой, основанной исключительно на труде, равно обязательном для всех; Поляки напротив, боготворят этот старый порядок, основанный на привилегиях и на эксплуатации чужого труда, и несмотря на то, что он видимо умирает и уже заживо гниет в целой Европе, ждут от него своего будущего, национального величия и счастья.

При такой глубокой разнице, возможно ли было искреннее, полное соединение двух организаций, русской и польской. Поляки, не исключая даже друга Потебни, естественным образом смотрели на русскую военную организацию в Царстве Польском лишь только, как на средство для достижения своих исключительно польских целей, и не только были равнодушны, но даже относились враждебно к целям русской революции⁶.

Потебня и его товарищи это знали, и несмотря на то, они решились употребить все свое влияние на войско, для того чтобы помочь польскому восстанию. Разумеется, с польской революционной программой, шляхетской и в высшей степени государственной, они симпатизировать не могли. Но пока эта программа относилась только до внутреннего политического и экономического устройства будущей Польши, она их не касалась. Это было, на первый раз, исключительно польское дело; на первый раз, говорю я, то есть до тех пор, пока логика или внутренняя необходимость, присущая такому устройству, не поставила бы польскую революцию, а с ней и всю, таким образом, подновленную, но не возобновленную Польшу, поперек русского чисто народно-социального движения.

⁶ В 1863 году, весной, когда польское восстание стало уже рассчитывать более на помощь Франции, чем на собственную победу, один Поляк, эмиссар революционного правительства, на мое предложение поднять Лифляндских и Курляндских, а за тем уже и Литовских, и Новгородских, равно как и Белорусских крестьян, против ненавидимых ими помещиков, воскликнул: «Да ведь это будет социальная революция!». – «Разумеется – другой в России быть не может». – «Так я вот вам что скажу, отвечал он мне с негодованием. Если бы мне пришлось выбирать между новым поражением и между победой, посредством социальной революции, то я не задумываясь говорю, что соглашусь скорее на новое поражение, чем на такую победу!». (Примечание Бакунина).

VIII. Солдаты и офицеры

Смешно было бы ссориться из-за будущих, хотя и неотвратимых междоусобных вопросов, когда обе стороны, русская народная и польская национальная, находилась точно также как и теперь, под всеподавляющим гнетом того же самого монголо-немецкого государства. Прежде всего надо было, точно также как надо теперь, соединенными силами свалить это гнусное иго, разрушить это государство; потому что пока оно существует, ни в России, ни в Польше, нет ничего действительного, кроме его всепоглощающей гнусности, и все вопросы и рассуждения ничто иное, как пустая, ребяческая, отвратительная болтовня.

Потебня и товарищи его поняли это превосходно, они были серьезные, практические, настоящие люди. Мозги их, не тронутые мнимой мудростью либеральничавших, демократствующих доктринеров, отнеслись к делу прямо и просто. Они спросили себя: Что надо делать, чтобы освободить русский народ, а вместе с ним все народы, подавляемые тем же самым государством? – Разрушить поганое государство. Но что составляет главную, можно сказать, всю силу государства? – Войско. Значит надо отнять у него это войско, то есть обратить его из войска императорского, или государственного, в войско народное.

Солдат – раб пуще всех рабов в России – раб, опутанный военной дисциплиной и невольной присягой царю, начальству и знамени – раб, вырванный из рядов поработленного народа для того, чтобы держать его в вечном порабощении. Он невинен, потому что он не знает, что делает, и потому что его опутали так, что он не может не исполнять приказаний начальства; а начальство приказывает бить народ и стрелять в народ. Таково было всегда, и теперь, пуще прежнего, главное назначение солдата: стрелять в отца, в мать, в братьев родных, для того чтобы те, сами умирая с голода, отдавали последнюю копейку на услаждение всех мучителей и супостатов своих.

Солдат невинен потому, что он бедный, опутанный и бессознательный раб; и вместе с тем он страшный преступник: отце-убийца, брато-убийца, народо-убийца.

Что же сказать об офицерах, которые *по воле* идут на военную службу и во всякое время ее могут оставить; которые как бы они необразованы ни были, все-таки несравненно более развиты и гораздо больше знают, и понимают, чем солдаты; которые поэтому делают сознательно и свободно, то, что солдаты, *предводимые ими*, делают бессознательно и по неволе?

Скажут, нужда! Да правда, великолепное извинение! Значит нужда оправдывает всякую мерзость? Оттого то у нас и развелось в настоящее время такое множество полицейских, жандармов, наушников, шпионов. Все эти бедные люди стали мерзавцами по нужде. К тому же нужда, слово чрезвычайно эластичное: сегодня нужен хлеб, завтра пирог, после завтра шампанское, а там потребуется и свой собственный дом, и карета. Теперь объясняется почему, за весьма малыми исключениями, весь этот льготный мир, называющий себя у нас образованным, обратился в подлую сволочь... Все нужда!

Да если уж нужда заставляет делать мерзости, почему же лучше не пойти воровать кошельки из карманов, или, если этого для богатырского сердца мало, почему не пойти лучше разбойничать по дорогам и грабить помещиков и купцов, чем вести бедных солдат на отце-убийство, на брато-убийство, на народо-убийство? Кто совершает большее преступление? Тот ли, кто ворует кошельки или грабит, а пожалуй, и убивает помещика-притеснителя или купца-надувателя, или тот, кто, по приказанию

гнусного начальства, забивает десятки, сотни, тысячи безвинного и измученного народа? – Кто больший преступник: офицер или разбойник? Разумеется офицер.

Офицер обыкновенно прикрывает себя приказанием начальства. Ну, а если начальство прикажет убить отца, насиловать мать или выдать сестру на потеху какого-нибудь генерала, великого князя или, пожалуй, даже царя. – Офицер так и должен послушаться? – Иной фанатик верноподданнического или военного послушания, или вернее, иной мерзавец, прикрывающий свою користолюбивую подлость под наружностью мнимого фанатизма, ответит, пожалуй: Да все исполню что прикажет начальство? – А почему исполните? – Потому, что начальство всегда исполняет волю государя. – А почему воля государя для вас священна? – Потому, что он Помазанник Божий. – Ну, с такими скотами и говорить нечего. Их надо просто бить. Другими средствами их не урезонишь.

Иной ответит вам похитрее, он скажет вам: Государство необходимо для блага народного (хорошо это благо народное, посмотрите только вокруг себя!), Государству войско необходимо, и войско без дисциплины строжайшей, то есть без слепого послушания начальству, существовать не может. Заключение неопровержимое, только основание его совсем ложно.

Правда, что без *такой* дисциплины *такое* войско держаться не может. Столь же справедливо и то, что без *такого* войска, никакое государство вообще, а по преимуществу Всероссийское не продержалось бы и одного дня. *Но совершенно ложно предположение, что существование какого-нибудь, а наипаче нашего государства, было бы необходимо для блага народного. – Справедливо напротив, что всякое государство и, более всех других, государство Романовское или Гольштейн-готторпское, пагубно для народа.*

Еще раз, посмотрите только вокруг себя, посмотрите на несчастное положение, на ежедневную муку, на рабство народное и вам не надо будет никаких других доказательств, чтобы убедить вас, что это государство основано для утешения, для истязания, для ограбления народа, а не для блага его, и тогда отбросив с негодованием все мерзкие софизмы, выдуманнные мерзавцами для прикрытия их мерзости, вы скажете сами, что долг каждого честного офицера, у которого под мундиром не замерло сердце, стать за народ против царя, против правительства, против поганого государства, и если будет нужно, против самого войска, когда войско пойдет за царя, за правительство и за государство.

Дело в том, что все эти *благородные* офицеры не воруют кошельков из карманов и не грабят на больших дорогах, а довольствуются совершением злодейств, дозволенных и приказываемых начальством, только потому, что за частное воровство и за частный, разумеется, не за казенный грабеж и не за казенное смертоубийство, они подвергаются разжалованию и Сибири, в то время как за казенные злодеяния получают награды, чины и кресты; вследствие чего казенные злодеяния и безопаснее и выгоднее, чем частные, несмотря на то, что они именно вследствие своей безнаказанности в тысячу раз подлее и преступнее, то есть пагубнее для народа, чем карманное воровство и чем грабеж на больших дорогах⁷.

⁷ В доказательство, что я не клевету на этих *благородных* офицеров, приведу только одно обстоятельство: Во время последнего польского восстания, *снисходительное* начальство, желая поощрить

Потебня и его товарищи глубоко чувствовали всю мерзость положения офицера в русском войске. Тягость этого положения была для них тем ощутительнее, что они находились в Польше, в завоеванном крае, накануне революции и что все чувствовали приближение нового восстания. Уже русские войны, обратившись в полицейских солдат, гнали публику из церквей, по приказанию начальства, которому было неуютно, чтобы эта публика умоляла своего глухого Господа Бога о возвращении ей независимой Польши; – уже раз стреляли в Варшавский народ, кровь начинала литься, народ волновался пуще прежнего, и все ждали последнего взрыва.

Положение русских офицеров было действительно ужасное! Я говорю, разумеется, о тех офицерах, в которых военная ливрея не успела заглушить ни совести, ни сознания, ни человеческого чувства. Они не хотели быть душегубцами и возмущались против роли палачей, на которое их обрекало правительство. Они сознавали всю правоту польского дела в отношении к русскому государству и к русскому правительственному и военному притеснению, и сознавали, что Польша имеет точно такое же право на независимость и свободу, как и всякий другой народ.

Они были слишком умны, а главное слишком искренни и честны, для того чтобы успокоиться на софизмах *казенного* патриотизма – того патриотизма, который будучи впоследствии развит, в нашей журналистике, Катковым, а на практике, Муравьевым, обратил множество русских офицеров, а особенно наших патриотических Немцев, в самых неистовых палачей и жандармов, по мнению выше изложенных подлецов, быть Поляком уже есть преступление, и бить Поляков высшая добродетель, Потебня и товарищи его понимали, что войско порабощающее чужой народ, тем самым уничтожает свободу своего собственного края, и что нельзя быть в одно и тоже время врагом человечества и другом своего народа.

Их честность отвергала еще другой, более ухищренный софизм, софизм *казенного демократизма*, или *красных государственников*, представляемый в литературе Славянофилами, а на практике, так называемой Милютинской партией. По этому толку, все польские движения – шляхетские, все государственно-русские – демократические движения; вследствие чего, заключают они, все русские демократы; из самой любви к народному делу, и для освобождения польских крестьян из-под шляхетского ига, должны вместе с правительством нашим душить Поляков-бунтовщиков.

Весь этот отвратительный вздор был бы чрезвычайно смешен, если бы за ним не скрывалась тьма преступлений бесчеловечных, зверских поступков и бездонная пропасть самого нахального грабежа. Наши государственники освободители крестьян! Каково это слушать, зная как они их освобождают в России!

Еще раз повторю, Потебня и его товарищи были умные и вместе честные люди, и потому никакие софизмы не могли скрыть от них настоящей сущности дела, они знали, что будут извергами и подлецами, врагами человечества и врагами своего

верноподданническое геройство военных патриотов, дозволило им грабить дома польских изменников и нужно ли вам говорить в какой мере *благородные* офицеры воспользовались столь благостным разрешением: Все ценности, ложки, часы, серьги, кольца, всякая монета наполнила их бездонные карманы. – Они, как Осип в Ревизоре, не поскупились даже тряпьем и веревками: весь туалет польских дам перешел в их карманы: «Это для моей кухни, это для сестрицы, это для маменьки и это для нее – и она, и маменька, и сестрица, и кухня, бесстыдно рядились потом, в это тряпье, уворованное родными героями, русскими военными патриотами! (Примечание Бакунина).

собственного народа, если будут стрелять в Поляков; и потому решились ни в каком случае не подымать против них рук своих.

Мало того, признав раз законность и святость польского бунта против императорского притеснения; признав с другой стороны, что успех этого бунта, именно потому, что он уменьшит, если даже и не совсем разрушит еще ту государственную силу, которая равно гнетет и польский и русский народ, имело бы непременно последствием освобождение последнего, – они поняли, что одного воздержания недостаточно, не для того, чтобы смыть то позорное пятно, которым русское войско с давних времен клеймит себя в Польше, ни для того, чтобы исполнить священный долг в отношении к собственной родине. Они поняли это, и решились пристать к польскому бунту против русского притеснения.

Лишь только они приняли это святое, истинно патриотическое, то есть народолюбивое решение, они как люди столько же умные, сколько и сильные, как люди практические, определили эти все условия и последствия его и покорились им безусловно. Пристать к польскому бунту значило изменить присяге, знамени, казенному патриотизму, царю и Всероссийскому Государству, и быть готовым стрелять на ту часть своих вооруженных соотечественников, на те русские полка, которые, исполняя царское повеление, захотят усмирять польский бунт.

Стрелять на своих! Неправда ли ужасное преступление? Еще бы только на офицеров, а то на солдат! Разве солдаты не дети народа? – А вы, господа офицеры, разве не стреляете в своих? Когда вас посылают усмирять крестьянские бунты, разве вы не расстреливаете и не засекаете мужиков! И разве солдаты и офицеры, которые приняли бы сторону мужиков и стали бы стрелять на солдат их режущих и секущих, не исполняли бы святого, патриотического, народолюбивого долга?

Почему, скажут иные, не заступиться за русского мужика; но стрелять на своих, защищая Поляков! Да ведь Поляки защищают свое священное, общечеловеческое право. Они нам братья как люди, и вдвойне братья, как оскорбленные и как притесненные люди. Они нам братья еще как Славяне. Они нам наконец братья, как угнетаемые тем же самым Всероссийским Государством и царем душегубцем, которые гнетут наш народ. А кто же это *свои*? Что такое русский солдат, пока верный присяге, верный знамени и послушный начальству, он исполняет царскую волю? Я уже сказал: Он царский палач, отец-убийца, брато-убийца, народо-убийца. Какой же он свой? – Да он невинен, скажете вы, потому что не ведает что творит. – Да ведь и бешеная собака, кусающая вас также невинна, также не ведает что творит, однако это не мешает вам ее пристрелить.

Разумеется, прежде чем стрелять в солдата, надо употребить все усилия, чтобы его вразумить. Это и гуманно, и справедливо, а главное чрезвычайно полезно для торжества народного дела. Но что значит вразумить солдата? Значит взбунтовать его против начальства, против знамени и присяги и убедить его, что он, сын народа, должен стоять против царя за народ. Для солдата, равно как и для офицера середины быть не может. Они или станут по мановению царя душить народ, или вместе с народом пойдут валить государство.

IX. Русская военная организация Потебни

Лишь только организовалась тайная организация русских офицеров в Царстве Польском, она повела самую деятельную пропаганду между солдатами; пропаганду посредством коротких воззваний к солдатам и песен, большей частью печатанных в Лондоне, а главным образом, живую, словесную пропаганду, от живого лица к живому лицу, и без сомнения гораздо более действительную, чем все печатные листки. Офицеры, которые могли предпринять, с опасностью жизни, такое святое, народолюбивое дело, были, разумеется, не притеснителями, а друзьями своих солдат, доказали им в продолжение всей службы, не на словах, а на деле, свою преданность их интересам, за что были любимы ими и пользовались их полнейшим доверием. Они вели, разумеется, свою пропаганду не гуртовым⁸ способом. – Этот способ хорош и даже необходим, только в последнюю минуту, после поодиначного приготовления лучших людей, когда приходится звать всю массу на соединение с восставшим народом. Но в начале он никуда не годится; в начале возможна только поодиначная пропаганда.

Проводя всю свою жизнь между солдатами, любя их и пользуясь их доверием, офицеры организации знали, также как и вы должны знать, своих людей; знали кому из них можно было и было полезно довериться, – кому нет, и таким образом, приняли в свою организацию много унтер-офицеров и многих солдат; и мы знаем, что ни один из этих солдат и унтер-офицеров не изменил им, и что все остались им преданы, преданы делу до конца.

Во имя же чего делалась эта пропаганда между солдатами? Во имя только польского права и польского дела? Отнюдь нет. Польские национальные интересы занимали в ней последнее место. Солдатам было объяснено только, что Поляки имеют такое же право не хотеть русского владычества над собой, какое бы имел Русский народ не хотеть над собой владычества польского. Солдаты поняли это без всякой трудности, потому что чувство простой человеческой справедливости в их сердцах не затемнено никакими софизмами. Они поняли, что почти также грешно отнимать свободу у другого народа, как постыдно отдавать свою собственную народную волю на поругание каких бы то ни было притеснителей. Они поняли наконец, что притеснитель Поляков и Русских один, тот же самый враг-Немец, который заставляет их резать Поляков, и в тоже самое время заставляет другие полки, других русских солдат резать своих отцов, матерей, сестер и братьев, русских крестьян, восстающих за свою Землю и за свою Волю.

Программа «Земли и Воли», выработанная в Лондоне, сделалась программой русской военной, офицерской и солдатской организации в Царстве Польском. Было положено, с согласия польского революционного Комитета, за посредничеством Лондонских эмигрантов, пользовавшихся доверием и той и другой стороны, что та часть русского войска, которая удастся увлечь на сторону общенародной свободы и правды, присоединится сначала к польскому восстанию, но что после первой победы – если будет победа – оно воспользуется первым удобным случаем для того, чтоб выйти из польских пределов и чтобы под знаменем «Земли и Воли» идти подымать на Русской Земле мужицкий бунт за Землю и за Волю.

⁸ Устаревшее, «сообща», «вместе».

Польский Комитет согласился на это условие, он не мог отвергнуть его, так оно было справедливо, и с такой необходимостью оно вытекало из самой сущности отношений обеих сторон. Но он согласился на них неохотно, и далеко не выполнил всех обещаний, данных им, в нашем присутствии, Потебне, как представителю русской военной организации. Польские революционеры, в одно и тоже время, желали и не желали русской революции. Желали потому, что не трудно было понять, что, если вся русская земля встанет одновременно с Польшей, для Петербургского правительства не останется ни малейшей возможности, не только чтобы подавить польское восстание, но даже спасти свое собственное существование. Не желали же по двум причинам. Первую я назвал: Это неотвратимо-социалистический, мужицкий, противобарский характер русской революции. Вторая причина, это несчастный вопрос о границах.

Х. Вопрос о границах Польши

Для нас, русских революционеров, вопрос о границах не существует. Границы есть там, где есть государство, а мы хотим полнейшего и окончательного разрушения и русского, и всех государств. По нашему убеждению, все народы, маленькие и большие, области, уезды и общины, должны организоваться снизу вверх, федеративным способом, и сообразуясь лишь только со своими нуждами, интересами и волей, а не насильственным способом, как теперь, не сверху вниз, по каким бы то ни было политическим и стратегическим соображениям. Мы не признаем никаких *исторических прав*, ни своих, ни чужих, а признаем только насущную, действительную волю народа. По-нашему, что захочет называться и быть Польшей, то будет Польшей, а что не захочет быть Польшей не будет ей. – Кажется справедливо и ясно.

Но Поляки этого не понимали, да и теперь, за исключением разве только весьма не многих, не могут понять. Их идеал, предмет их самых горячих стремлений, это восстановление древнего польского государства, в границах 1772 года, разумеется, с включением Киева, уступленного Польшей, только на время, прибавляют они, царю Алексею Михайловичу. Литва, Белоруссия, Подолье, Волынь и Украина, говорят польские патриоты демократы точно также как и аристократы, присоединились *свободно* к польской республике в 1569 году, на Сейме Люблинском⁹, и были отняты у Польши насильно русским завоеванием, а следовательно, должны быть ей возвращены все сполна.

Мы им отвечаем на это, что мы также мало уважаем их Люблинский сейм, как и завоевания наших царей. Всем известно, что сейм Люблинский был сейм шляхетский, а не народный, а мы шляхту польскую, равно как и русскую не ставим ни в грош, признавая только волю народную. На это они в свою очередь отвечают, что во время Люблинского сейма народы еще молчали, а говорили, действовали и вообще решали дела везде дворяне. А мы им говорим: тем хуже для вас; что порешили дворяне, то есть мучители и грабители народа, то не может быть обязательным для народа. А мы знаем, как мытарил польская *вольная* шляхта своих *рабов*, польских, литовских и украинских крестьян, которым было отнюдь не лучше под гнетом ясновельможных панов, чем нашим бедным мужикам под палкой царя-палача и его холопской или боярской дворни. Наконец и после Люблинского сейма, разве не было поголовного восстания Малорусской земли¹⁰ и страшного Уманьского урока¹¹?

Но Поляки столь тщательно изучающие свою историю и опирающиеся все свои притязания на правах исторических, не хотят и слышать об *этой* истории. А мы не

⁹ Люблинская уния – государственный союз между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским, вызванный слабостью Литвы в Ливонской войне и положившем начало федеративному государству, известному как Речь Посполитая.

¹⁰ Имеются ввиду казацко-польские войны, движущей силой которых были украинские казаки и крестьяне: Восстание Косинского 1591-1593 годов, Восстание Наливайко 1594-1596 годов, Восстание Жмайло 1625 года, Восстание Тараса Федоровича 1630 года, Восстание Сулимы 1635 года, Восстание Павлюка 1637 года, Восстание Острянина и Гуни 1638 года, Восстание Хмельницкого 1648-1654 годов, Правобережное восстание 1664-1665 годов (Левобережное было против Русского Царя), Палеевщина 1702-1704 годов, Гайдамацкое восстание 1734 года (разгромлено совместными усилиями Речи Посполитой и России), Гайдамацкое восстание 1750 года, Колиивщина 1768 года

¹¹ Скорее всего имеется ввиду Уманьская резня 1768 года польского, еврейского и униатского населения гайдамаками (участниками восстаний) в ходе Колиивщины, унесшая жизни от 12 до 20 тысяч жителей города Умань. Другие гайдамацкие отряды убивали поляков и евреев в Подолии и на Волыни – в Фастове, Животове, Тульчине и других местах.

хотим слышать ни о *какой истории*; так что если бы даже Люблинский сейм вместо того, чтобы быть сеймом исключительно шляхетским и, прибавлю еще, иезуитским, был сеймом народным, то и тогда решения его не могли бы быть обязательными для настоящих поколений. Разве предки могут связать волю внуков своих? Мы признаем только волю живых людей, а не мертвых.

На основании этих причин, мы говорили Полякам: Мы не можем признать ни вашего мнимо-исторического, ни вашего государственного права. Эти права для нас не существуют, не могут иметь для нас ни малейшего смысла. Все, что мы признаем – это святую волю работающего народа, Вашего, Нашего, Литовского, Украинского и вообще всякого народа, где бы и под каким бы названием он ни существовал работой своей. Литва и Малороссия принадлежат не Вам и не Нам, а только самим себе, и никто из нас не имеет ни права, ни силы распоряжаться их настоящим и будущим. По-нашему, у нас, равно как и у вас, только одно дело: разрушить Всероссийское государство, эту тюрьму, в которой томятся ныне столько различных народов; ну а когда нам удастся разрушить его, освобожденные народы устроятся как захотят сами: Кто пойдет к вам, кто к нам, кто ни к вам, ни к нам не пойдет, а захочет жить сам по себе. Наконец, если вы так уверены, что Литовский и Украинский народ преданы Польше, чего же лучше? Бунтуйте, подымайте их во имя польского дела, мы вам мешать не станем. Если они встанут за вас, вместе с вами, мы скажем, что вы были правы. Если же не встанут, вы сами признаете, что вы ошибаетесь.

Полякам было нечего отвечать и возражать на такое ясное, откровенное и справедливое постановление вопроса. Самые умные, последовательные и добросовестные между ними соглашались с нами, но только с глазу на глаз, в частном разговоре. Но ни один из них не имел смелости признать публично справедливость наших начал, то есть безусловного права каждого народа или даже народца, каждой области распоряжаться собой, помимо всех исторических и политических притязаний соседних народов. Ни один из них не решился отказаться громогласно от *исторических прав* Польши на Украину и на Литву, прав исключительно основанных на *шляхетских*, а не *народных*, на *прошедших*, а не *настоящих* соглашениях. Самые смелые между ними боялись общественного мнения польской патриотической публики, воспитанной на воспоминаниях, на боготворении прошедшего и глубоко проникнутой началами государственности, и шляхетства.

Если можно упрекнуть Поляков в неискренности, так это именно в этом вопросе. Они неискренни сами с собой, и обманывая иностранную публику, стараются также обмануть и себя. Они селятся позабыть мрачную, еще недавнюю историю притеснения Литовского и Украинского народа польской шляхтой, и зная слишком хорошо, что этот народ ненавидит эту шляхту наравне с русским чиновничеством, точно также как наши мужики ненавидят вместе и наших чиновников и наших дворян, они селятся уверить себя, что эта ненависть совсем не существует, и что этот народ жаждет восстановления Польского Государства.

Напрасно мы им говорили, что это вольное заблуждение их погубит; что если они захотят сделать революцию государственную, а не народную, политическую, а не социально-экономическую; что если они не скажут своему народу: Бери всю землю, она твоя и гони с нее всех дармоедов; и не скажут областям бывшим польскими по неволе, то есть Литве и Украине: Распоряжайтесь собой как хотите, мы не имеем на

вас никаких притязаний. Мы зовем вас только на общую, народную волю. Берите всю землю, как берет ее наш народ, и соединитесь с нами для того, чтобы общим усилием свалить равно нам ненавистное иго московского царя и Московского государства; что если они напротив, заявят свои исторические или, что все равно, свои шляхетские требования на Литву и на Украину, революция их обратится против них и бросит Украинский и Литовский народ на сторону царя против шляхты.

Мы были правы; но они нас не послушались, да послушаться не могли. Большинство их патриотов, особливо в Литве и в Украине, состояло из молодых шляхтичей. Это были герои, люди полные самоотвержения, отдавшие делу освобождения своей родины все: и жизнь, и имущество, и все привязанности свои. Они бились как львы и большей частью погибли смертью мучеников. В Украине, когда народ, восстановленный против них нашим правительством, бил и терзал их, или вязал их, чтобы выдать начальству, они не хотели защищаться, не хотели стрелять в него. Трудно представить себе такую высоту самоотвержения, отваги и доблести. Но все-таки они были шляхтичи; между ними и народом, не только историческая ненависть последнего, но и их собственные исторические, государственные и сословные предубеждения образовали пропасть. Основатели и коноводы польской революционной организации также принадлежали к этому сословию; да и вся революционная молодежь, не исключая варшавских мещан и ремесленников, была проникнута тем же шляхетским политическим, государственным духом. Все требовали одинаково восстановления Польского Государства, Монархии или Республики, в границах 1772 года.

Польский революционный Комитет утратил бы всякую власть силу, если бы он стал поперек этого общего, стремительного направления умов. Он и то уж сделал очень много, а по мнению большинства польских патриотов, слишком много, когда, вследствие переговоров с нами, печатно объявил: *«Что так как забранный край, Литва и Украина, были оторваны от Польши посредством завоевания. то народная честь не позволяет польским патриотам отказаться теперь от этих областей, и что они обязаны поэтому в настоящее время требовать восстановления Польской Республики в древних границах; но что когда вся Польша восстановленная в своей прежней целости, будет свободна, все области будут иметь право полнейшего самораспоряжения».*

Такое объявление, разумеется, никого удовлетворить не могло. Оно доказывало только, что наперекор всем непреложным выводам народно-социальной справедливости, Поляки, признававшие эту справедливость только в теории, на практике, как представители исторического или шляхетского начала, не хотели и не могли отступить от своих государственно-патриотических притязаний; и что между стремлениями польских и русских революционеров существовала и существует поныне та самая пропасть, которая разделяет дворянство от крестьянского мира.

Поляки сознавали это вполне, и именно вследствие этого были полны недоверия и антипатии к нашему революционному движению. Они боялись, и пожалуй не без основания, что если русская военная организация, образовавшаяся в Царстве Польском, перенесет свою народно-социальную пропаганду за границу Царства Польского в полки стоявшие в Литве и в Украине, то эта пропаганда, столкнувшись, тем или другим способом, с соответствующим ей инстинктом и требованиями крестьянского народа, подымет социальную революцию, которая, мало того, что парализует патри-

отические усилия польской молодежи в этих областях, но пожалуй еще, перешагнув вновь через границу Царства Польского, возбудит и в нем крестьянское движение, характер которого будет не совсем удобен для шляхты, а погубит или по крайней мере совершенно изменит план задуманной ими шляхетско-государственной и патриотической революции.

Вот почему они боялись нашей революции, чуть ли не больше еще чем подавляющей силы нашего Государства, и не желали крестьянского поголовного восстания в России, хотя и ясно видели, что оно должно было разрушить в конце это ненавистное для них государство. Еще раз повторяю, они были – *со своей точки зрения* – правы. Царская громадная сила могла их победить еще раз, так как и победила в 1863 году. Но она никогда не будет в состоянии разрушить самых оснований исторической или шляхетской Польши, опирающейся прежде всего на личной, привилегированной собственности, обрабатывающей свою землю народными руками и строящей всю цивилизацию и всю политическую свободу свою на шляхетском и исключительно на народным труде. Будь царская реакция еще безобразнее, диче и беспощаднее, чем даже теперь это представить себе невозможно, найди она палачей-исполнителей, которые превзойдут зверством своим даже самого Муравьева, все-таки она должна будет остановиться с почтением и страхом перед *условиями* так называемой *гражданственности* и *цивилизации*, потому что они вместе с тем условия государственного порядка и силы, непременные условие самого существования для всякого государства. Поэтому царь может разорить множество семейств, целые области, даже всю Польскую землю, погубить, перевешать, перебить, или сослать в *дальние губернии*, для того чтобы медленно заморить их там холодом и голодом, десятки, сотни тысяч польских патриотов с их женами и детьми, и все-таки он не будет в состоянии убить старую Польшу. Старая, она возобновится и помолодеет горячей силой возрастающего негодования под самым бременем его безобразного и беспощадного гнета. Новые поколения займут место старых, погибших в борьбе, и наследуют от них умноженное сокровище патриотической ненависти и непримиримого мщения. А тут представится новый, удобный случай: война ли внешняя, или бунт внутри империи, и новая молодежь, не переставая между тем организоваться и собирать новые силы, воспользуется им и свергнет наконец проклятое московское иго, не отказавшись сама ни от одного из своих исторических притязаний.

И так, новая победа царя сулила им, правда, ненавистное, позорное рабство и безымянные страдания и бедствия в настоящем, но за то в будущем воскресение старой Польской Республики в границах 1772 года, а пожалуй, и еще шире.

XI. Отношение поляков к русскому делу

Что же сулила, что сулит им русская революция? Немедленное освобождение из-под царского, из-под всякого внешнего, русского и немецкого, ига; но вместе с тем несомненную смерть старой шляхетской Польши. Они знали и знают, что, если встанет поголовно великорусское крестьянство за *свою* землю и за *свою* волю, встанет вместе с ним и все малорусское крестьянство, встанут мужики непременно и во всех *забранных провинциях*: в Украине, в Подолье, в Волыни, в Белоруссии, в Литве, и встанут так дружно, что не останется скоро и следа шляхетского мира, шляхетского порядка и шляхетской цивилизации. Они знали, что такое движение не останавливается ни перед какими границами, но разливается как пожар ко всем соседним землям, не насильственно, а преемственно, неотвратимой силой народной пропаганды, народного примера, народом совершаемого факта. Они знали поэтому, что оно обоймет всю Польскую землю и воскресит, правда, немедленно, Польшу независимую и свободную, но уже не *шляхетскую*, а *хлопскую*.

Польские патриоты все это хорошо понимали, а потому и отношения их к нам носили характер двойственности. Они видели какую огромную пользу могла и должна была им принести русская военная организация в Царстве Польском и потому готовы были ей помогать; но вместе с тем они боялись разлива ее на войска, стоявшие вне Польши, и потому помогали ей только в меру, так чтобы она не могла перешагнуть границы Царства Польского. Относясь с такой неоткровенностью к ней, она, разумеется, заподозрила ее несомненную откровенность, и кончила тем, что сама парализовала и уничтожила эту возникавшую силу, которая могла сделаться орудием их спасения.

Чтобы было, если бы симпатизируя ей и относясь к ней с какой она заслуживала несомненной откровенностью, польские патриоты захотели бы дать ей все нужные средства для распространения ее пропаганды, сначала во всех полках русской армии, а через них в целой России! Если бы они употребили на эту пропаганду несколько десятков тысяч рублей, из тех сотен тысяч рублей, которые были употреблены ими на покупку оружия за границей, оружия большей частью конфискованного, без всякой пользы для них Пруссим и Австрийским правительствами! Тогда, как и теперь, слава богу, в России все было готово для бунта. Недоставало только организации. Тогда, как и теперь, во всех полках, в городах и селах, было множество живых и энергичных людей, ждавших только знака и указания, что делать и как делать. Организация, созданная офицерами в Польше, обняла бы и сплотила бы, несомненно, множество офицеров, и через них и солдат русской армии, и соединившись с возраставшим негодованием народа, взорвали бы Империю. Поляки этого не захотели; и, еще раз – погибли.

Потебня и его товарищи отнюдь не обманывали себя на счет отношения польских патриотов к русскому народному делу. Живя и действуя вместе с ними, они очень хорошо замечали их опасения и подозрения, которые, разумеется, усилились еще более, с тех пор как русская военная организация, посредством нашего друга Потебни, вошла в прямые сношения с русскими революционерами, находящимися вне Царства Польского, и приняли программу: «Земли и Воли», присланную им через Потебню из Лондона. Полякам, естественным образом, хотелось употребить эту организацию *только* как средство для достижения исключительных польских целей, это сделалось невозможным, когда она, помимо той непосредственной помощи, ко-

торую она имела намерение оказать польскому восстанию, поставила и определила себе чисто русскую, народную цель, и стало еще невозможнее с тех пор, как все нити этой организации, после ареста польского друга Потебни, сосредоточились исключительно в руках последнего. С тех пор пропаганда в полках, стоявших в Царстве, приняла уже совершенно русский, социально-народный характер.

XII. Бессилие Варшавского Комитета и начало Восстания

Все это Полякам не нравилось, да и нравиться не могло. Они стали оказывать русским офицерам, на которых прежде смотрели, как на драгоценных союзников или помощников в польском деле, явную холодность и даже пренебрежение. К тому же в самом Комитете польском произошли к этому времени весьма важные изменения. Уступая советам, так называемой практической мудрости, молодые люди, основавшие его, согласились принять в свою среду несколько представителей партии *Белых*, то есть высокого шляхетства и богатого мещанства. Эти новые члены, которые, впрочем, взятые как отдельные лица, были люди почтенные, доказавшие рядом мученических подвигов, свою горячую преданность родине, внесли в Комитет новый элемент, *элемент благоразумной умеренности*, и разумеется, своим влиянием усилили еще более шляхетский и исключительно национальный характер польского заговора. Прежде Варшавский Комитет полагал все надежды свои только на взрыв всенародный, а потому и старался вести свою пропаганду так, чтобы она соответствовала как можно более народным или хлопским требованиям и инстинктам; теперь он стал надеяться на помощь и на посредничество иностранных держав, и сам не замечая того, становился все более и более дипломатом. Главным образом рассчитывал он на Францию, а чем более он рассчитывал на нее, тем менее стала казаться ему нужной помощь русской военной организации.

Наши соотечественники в Царстве Польском все это видели, знали. Они были парализованы на каждом шагу слишком ощутимым недоверием и скажу прямо, бестолковостью *поумневшего* польского Комитета. Окруженные подозрением, без искренних друзей в Польше и без всякой поддержки в России, принужденные брать бедные средства на посильную пропаганду у видимо холодневших к нам польских патриотов, они увидели себя накануне восстания, в положении ужасном. И все-таки они не потеряли ни духа, ни воли, и утратив уже всякую веру в успех, решились продолжать неуклонно раз начатое ими великое, святое, народно-русское дело.

Накануне восстания, никто из них не верил более в успех. Иной, пожалуй, скажет, что, не веря в него, они должны были отказаться от участия в польском восстании. Но это было невозможно. Им не было выбора: они должны были или вместе с другими войсками резать восставших Поляков, или вместе с Поляками восстать против царского дипломатизма и драться против войск, дерущихся за него. Резать Поляков была бы с их стороны измена не только против справедливости и человечества, но против России, против русского народного дела: а потому, хотя они и утратили всякую веру в успех, они должны были восстать вместе с Поляками против царя.

«Мы без сомнения погибнем, говорил мне в последний раз Потебня, с той спокойной твердостью, чуждой всякой риторики, которая отличала все его слова, и улыбаясь простодушно, точно, как будто бы он говорил о вещи самой обыденной – но нам выбора нет. Мы погибнуть должны, потому что не хотим быть палачами. Наша гибель будет полезна: она смоет с русского войска вековое бесчестье, и будет служить примером для следующих поколений, и может быть примирит Поляков и Русских¹²».

¹² В это самое время Комитет русских офицеров в Польше обнаружил воззвание ко всем офицерам русской армии:

«Наше положение исключительно. Правительство распоряжается в польских городах так, что народ должен потерять всякое терпение и восстать, даже не рассчитывая – будет удача или нет. Об-

Надо ли вам рассказывать печальный исход этой второй попытки соединить русское революционное дело, с делом польских патриотов?

стоятельства все ближе и ближе подводят к минуте, когда нам придется быть палачами Польши, или пристать к ее восстанию.

Мы не хотим быть палачами.

Если бы мы были одни, мы бы сложили оружие и удалились. Но за нами солдаты. И они не хотят быть палачами. Заставить целые полки сложить оружие, не приставая ни к той, ни к другой стороне, нет человеческой возможности. Вы видите, что для нас выбора нет: мы примкнем к делу свободы. Мы заявим, что русский народ воздвигает знамя освобождения, а не порабощения славянских племен. Мы не опозорим русского имени продолжением грехов петербургского императорства; лучше падем жертвой очищения, жертвой искупления.

Центральный Варшавский Комитет, стоящий ныне во главе польского движения, заявил нам, что его цель – наделение всех польских крестьян земель, уравнивание всех прав и уничтожение сословной розни; независимость Польши от петербургского и других немецких правительств, и признание за всеми областями соединенными с Польшей воспоминаниями прошедшего, права располагать собой – помимо всех государственных как польских, так и русских соображений. Только на этих основаниях, мы и наши солдаты готовы примкнуть к польскому восстанию, потому что те же основания и нашей русской свободы...

В виду грозы, мы решились собраться в Комитет, чтобы единодушно взвесить все обстоятельства и уяснить свой путь. Мы употребим все усилия, чтобы устранить ненужные бедствия. Но время дорого.

Правительство действует в России не лучше, чем в Польше. После крымской войны, побитое, оно увидело, что дальше нельзя держаться на гнилых сваях петербургского канцелярства и тайной полиции. Оно начало преобразовывать – с ложным видом искренности, но с действительным желанием не делать никаких уступок.

Отсюда вышли:

Освобождение крестьян с урезкой у них земель, с насильственными уставными грамотами, с невозможным выкупом, со стрельбой по народу, и наконец с обещанием императора, что он народу другой, настоящей воли никогда не даст;

Преобразование системы финансов – и рядом увеличение налогов, займов и разорения;

Обещание преобразования судебной части, и рядом наполнение казематов людьми, которых преступление – преданность настоящей народной воле; а у нас казнь офицеров и солдат за то, что смели говорить об этой воле;

Обещание губернских дум для заведывания хозяйственной частью губерний, и рядом постепенное введение в России военно-осадного положения – от западных губерний до нижегородской ярмарки.

Вы видите, что петербургское императорство и не искренно, и неспособно.

Русский народ, по настоящей воле, то есть бессословно, на народной земле, с самостоятельностью областей и их общим союзом, – может учредиться только посредством Земского Собора, посредством отовсюду бессословно всеми выбранных, доверенных людей.

Созвать Земский Собор правительство никогда не захочет.

Огромная пространством и менее сосредоточенная чем Польша, – Россия, может днем позже, но скоро придет в подобное же волнение. Неурядица грозит дикой резней и страшным кровопролитием.

Кто-же спасет Россию?

Войско!

Войско должно отказаться держать Россию в осадном положении и быть палачом русского народа, так как мы – случаем поставленные в Польше – отказываемся быть палачами польского народа.

Но одного отказа мало. Чтобы спасти Россию, войско должно быть другом народа и слугой его свободы.

Товарищи! Где бы ни застиг вас голос наш, примите его к сердцу.

Составьте Комитеты подобные нашему. Говорите солдатам, что их дело не палачество, а спасение настоящей народной воли. Только свободный русский народ может сделать из солдат – не опричников императорства – а вольных, землевладельцев людей, защитников свободного отечества. Скажите им, что воля русская требует новой присяги и святой преданности.

Чем ближе становился день взрыва, тем более неурядица и бестолковщина овладевали польским Комитетом. Пока он состоял из элементов однородных, из *сумасшедших красных*, как называла их благоразумная, высокообразованная белая партия, до тех пор дело пропаганды шло с изумленной быстротой. В короткое время вся Польша, Литва и Украина, покрылась этой удивительной, истинно могучей и строго дисциплинированной организацией, превзошедшая своим строем все, что было известно доселе в какой бы то ни было стране, а повергшей в испуг, в уныние, просто в отчаяние наше правительство, которое принуждено было наконец выписать из Франции испытанных шпионов, чтобы за ней уследить, и все-таки не выследили ничего. Варшавский Комитет, невидимый и всюду и непрерывно действовавший, был в десять раз могучее великого князя Константина, со всем его войском и толпами разных чиновников, жандармов, и шпионов.

Все это изменилось с тех пор, как в Комитет вошли умные, ученые и опытные люди. Из Комитета, действующего и не тратившего ни одного слова по-пустому, он превратился в парламент. Образовалась в нем партия, которая стала искать опоры себе вне Комитета и таким образом расстроила всю организацию. Там, где прежде царствовал строгий порядок, и на основании его было возможно, как молния быстрое действие, завелась анархия и дело заменилось бесконечными прениями. Бестолковщина воцарилась везде.

Известно, что русское правительство, следуя внушениям маркиза Велепольского, который чуть ли не имел своего человека в самом Варшавском Комитете, заставил Поляков ускорить восстание, объявив рекрутский набор, с предоставлением полиции права брать в солдаты всякого молодого человека, который покажется ей подозрительным. После объявления такой драконовской меры, было ясно, или по крайней мере должно было стать ясным для всех, что дальнейшая отсрочка восстания становилась решительно невозможна. А между тем, Варшавский Комитет потерял три или четыре драгоценные дня на рассуждения о том, начинать ли восстание или нет? Вопрос был решен толпой молодых людей, бежавших в леса от рекрутчины, зимой, без обуви, без теплого платья, без всякого провианта, а главное без оружия.

Таким образом началась революция. Прошли еще каких-нибудь десять или даже пятнадцать дней, в продолжении которых, толпы, сбежавшиеся в лесах, оставались без всякой помощи, без руководства и без распоряжения, и без оружия. Ничем неза-

Когда вы составите крепкие кружки или Комитеты, единодушно с солдатами, войдемте в сношение и сомкнемтесь духом и делом во едино.

От Петербурга и Бессарабии, от Урала и Дона, от Черномории и Кавказа – пойдемте спокойным строем через всю землю русскую, не допуская ненужного кровопролития, давая народу свободно учреждаться в волости и области, и клича клич на Земский Собор людей, выбранных ото всей земли русской для общего союза и разумного устройства.

Мы не самолюбивы. Мы не ставим себя Центральным Комитетом. Пусть нами и вами руководят самые способные. Назовите их и мы пойдем за ними.

Но торопитесь, время дорого.

Если же судьба решит, что мы прежде вас должны будем отказаться от палачества и примкнуть к делу свободы, то завет настоящей воли народной, принятый нами от Пестелей и Рылеевых, мы передаем вам.

Товарищи! Мы, на смерть идущие, вам кланяемся.

От вас зависит, чтобы это была не смерть, а жизнь новая!».

1862 года, 5 Ноября. (*Колокол* No 151). (прим. Бакунина)

мененное время! потому, что судьба всякого революционного движения решается всегда в первые дни, когда враг схвачен врасплох, и не успел еще ни опомниться, ни собраться. Известно, что в первые две или три недели восстания, русские войска были разбросаны по всему Царству Польскому. Наши генералы, полковые и батальонные командиры, как обыкновенно люди не хитрые и не чрезвычайно решительные, и находчивые, совсем было растерялись. Если бы у Поляков была хоть не большая организованная и кое-как вооруженная сила, она бы могла сделать все, тем более, что молодые батальоны и батареи ждали только приближения стройного польского ополчения, чтобы присоединиться к восстанию... Напротив, по какому-то странному несчастью случалось несколько раз, что для овладения оружием, в котором они чувствовали такой недостаток, Поляки нападали ночью, именно на те русские отряды, которые были наиболее подготовлены к соединению с ними. Так, например мне известно, что одна рота, которую я разумеется не назову, присягнула уже, в присутствии Потебни, своего капитана и других офицеров, на знамя «Земля и Воля», но когда за несколько часов спустя они услышали, что Поляки сделали ночное нападение на соседнюю роту, столь же хорошо расположенную в пользу польского восстания, все вдруг, разумеется, изменилось. Солдаты объявили своим офицерам, что они отныне будут стрелять в Поляков.

Ради таких злополучных фактов, происшедших, разумеется, не от злонамеренности, а от неурядицы, было достаточно, чтобы разрушить в несколько дней все дело Потебни и его военной организации, – и вместе с ним и самое дело польской революции. Убедившись, что все потеряно, наш друг Потебня искал смерти и нашел ее скоро. В одной из первых стычек между инсургентами и войском, он пал, сраженный русской пулей. Товарищи его остались верными до конца своим убеждениям. В продолжении целого года они не переставали оказывать разными путями самую бдительную помощь польскому восстанию, многие из них погибли, но без сомнения многие остались в живых, и, если этот листок попадет им в руки, они помянут вместе со мной нашего общего друга Потебню и подтвердят правдивость моего рассказа. Наконец, множество русских солдат перешли в ряды инсургентов, и по свидетельству самих Поляков, – они дрались как львы.

Такова была судьба второй серьезной военной организации, после заговора Декабристов, который также имел по преимуществу военный характер, а также и второй попытки соединения с Поляками.

XIII. Отношение к реакционному бунту

Я рассказал ее вам так подробно, во-первых, для того, чтобы исполнить священный долг дружбы и справедливости в отношении к Потебне; а главным образом, для того, чтобы показать вам, как бедные, темные, простые и скромные офицеры, не получившие *высокого университетского* образования и не воспитанные на полуученом, тщеславном и суетном празднословии; как они, именно потому, что не привыкли тратить слов по пустому, а научены были жизнью приступать ко всякому делу прямо и просто, управляясь лишь одним здравым смыслом, и горячеей, твердой волей направленной только к одной цели: к освобождению нашего славного, но забитого и истерзанного народа. – Как в то самое время, когда ученая молодежь большей частью праздноглагольствовала и рисовалась в своих собственных фразах, – эти офицеры умели сплотиться, создать правильную, строго дисциплинированную организацию, благодаря которой они сделали несомненно гораздо более чем все современные им студенты.

Из этого правдивого рассказа, пожалуй, иной может заключить, что мы отныне должны оставаться чуждыми всем революционным предприятиям Поляков и пожалуй, относиться к ним даже враждебно. Это будет совершенно ложное заключение.

Необходимо, правда, чтобы мы не обманывали себя на счет характера отношений к нам огромного большинства польских патриотов, аристократов и демократов; чтобы мы знали, что для нас найти между ними друзей, в полном или в истинном смысле этого слова, или союзников, без задней мысли, нам чуждой и даже отчасти враждебной, очень трудно, почти невозможно. Мы должны знать это, потому что кто хочет делать настоящее дело, тот должен ясно понимать все условия его окружающие и все свои отношения. Но из этого отнюдь не следует чтобы мы имели бы право быть врагами Поляков, ни даже относиться равнодушно пассивно к их попыткам освобождения.

До тех пор, пока русские войска, исполняя царскую волю, будут топтать польскую землю, до тех пор вся вина будет на нашей стороне, и как бы ни относились к нам Поляки, что бы они против нас не предпринимали и не делали, они будут правы. Переверните только вопрос, и представьте себе Поляков, царящих на нашей земле, не правда ли, вы поступили бы с ними точно также, а может быть еще жестче, чем они теперь поступают с вами? Но что справедливо для одного, то справедливо также и для всех народов без исключения. – Поляки против нас правы.

Какое нам до того дело, что программа самых крайних польских демократов, с *нашей социальной точки зрения* – реакционна, что она стремится к торжеству шляхетских, мещанских, противонародных целей? Это дело их хлопов, не наше. И что же мы такие, чтобы иметь право порицать узкость польской программы? Холопы-исполнители и палачи царской воли на чужой, на польской земле? Вот *наша действительность*. Все остальное только слова, которые останутся жалкими и осуждающими нас словами, пока они не перейдут в дело. Всякий Поляк, даже самый отъявленный иезуит или аристократ, идущий на смерть или в Сибирь за свои убеждения, в тысячу раз лучше, чище, достойнее нас, пока мы носим покорно царскую ливрею, и в руках проклятого государства играем роль палачей против всех чужих и против своего собственного народа.

Поляки, не поверив Потебне и организации его, сделали огромную ошибку. Они за нее поплатились. Но ошибка эта была естественна. Вера приобретается не сло-

вами, а делами. А после Декабрьского дела до образования русской военной организации в Царстве Польском, следовательно в течении тридцати-семи лет не было серьезного революционного дела в России. Этот печальный промежуток был занят в теории умственными развитиями и приготовлениями, а на практике, в действительности, рядом зверских государственных фактов и дел, которых одни из них были слишком покорными жертвами, а другие, а именно русское войско, были рабско-бесчеловечными исполнителями. С польской же стороны, помимо всех программ, этот промежуток был наполнен рядом великодушных попыток и жертв для освобождения родины. Вся честь принадлежит Полякам, а все бесчестье нам; они имели право не верить нашим силам, потому что в продолжении 37 лет, они видели, как погруженные в самое унижительное рабство и принужденные исполнять самые зверские и самые подлые приказания начальства, мы болтали обо всем и ничего не сделали. И, так мы можем горевать, но не имеем права сердиться на Поляков за то, что они не поверили русским офицерам, предложившим им свой союз и свою помощь в 1862 году.

Таково, во всей его истине, наше *нравственное* отношение к Полякам. Рассмотрим теперь наше *политическое* отношение к их революционному делу. Что составляет в *настоящее время* главную цель всех их революционных стремлений, заговоров и попыток? Свержение ненавистного царского ига, разрушение Всероссийской империи. Вторую их цель, немедленно следующую за первой, мы знаем: Это восстановление Польского Государства в границах 1772-го, иные говорят даже 1634-го года, требуя не только Киева, но даже Чернигова и Смоленска. До второй цели, нам *теперь* нет никакого дела, да и толковать о ней смешно, как не достигнута первая цель. Но разве эта первая цель, не есть также, в настоящее время, наша главная и первая цель. Разве разрушение Всероссийского государства, не есть также и для нас, как и для них, неперемное условие для достижения всех целей дальнейших. Разве может быть разговор о русской народной воле, о русском человечестве, о довольстве народном – пока существует это проклятое государство? Итак, их первая цель и наша первая цель – единственные, о которых можно с ними теперь рассуждать, не входя в глупое положение охотника, продающего медвежью шкуру, прежде чем он убил медведя и составляют одну и ту же общую цель. Можем ли мы быть врагами? Не принуждены ли, самой силой обстоятельств и положения, обе стороны помогать друг другу, служа своему собственному делу? Итак, хотят они или не хотят, польские патриоты *должны* быть нашими союзниками, точно также как и мы *должны и хотим* быть их союзниками, для достижения первой, насущной цели, для них и для нас одинаковой. – А после, посмотрим – будет что будет.

Это не мешает нам быть осторожными, и помнить, что если они нам теперь и друзья, то друзья по неволе. Мы будем помогать им откровенно, но не позволим им себя эксплуатировать.

Какая ни случись революция на польской земле; будь она для нас, по программе своей, самая антипатичная, иезуитская, аристократическая, монархическая, или даже опирающаяся на военной помощи соединенных императоров Франции и Австрии, лишь бы она только потрясла поганую силу Всероссийской империи, она будет для нас спасительна и полезна – потому что, повторю в сотый раз, пока эта империя живет, народ наш будет обречен на рабство, смерть и мучения. – Империя наш глав-

ный и опаснейший враг – и так соберем силы сокрушить прежде всего ее, а после разделаемся и с другими врагами. Бояться нам нечего, за нами будет стоять наш многомиллионный, наш умный, крепкий народ, сильный от природы, еще сильнее тем, что он возьмет всю свою землю и всю свою волю.

Заключение легкое: чтобы не сделаться изменниками народного русского дела, и врагами нашего собственного народа, русские офицеры и русские солдаты, ни под каким предлогом и ни в каком случае, не должны стрелять на восстающих Поляков, а должны напротив соединиться с ними не для того, чтобы оставаться в Польше, а для того, чтобы, пользуясь первым случаем, идти на помощь всенародному русскому восстанию.

XIV. Русского бунт в прошлом и его задачи в будущем

Но приближается теперь не Польская, а Русская революция. Поэтому вопрос поставлен для вас в тысячу раз легче и проще, чем он был поставлен для русских офицеров, стоявших в Царстве Польском, в 1862 году. Ныне встанет русский народ.

Те из вас, которые умеют или хотят слышать и видеть, у которых есть сердце и ум и хоть одна капля чувства человеческой справедливости и человеческой правды, те не станут спрашивать о причинах его приближающегося восстания. Они их знают.

Положение народа, *освобожденного* милостивым монархом, стало невыносимо. Разоренный и забитый в кандалы до конца, он должен выбирать теперь между бунтом и голодной смертью. Нет сомнения, что он будет искать спасения в бунте.

Со времени основания Московского Государства, он не переставал искать его в бунте.

Три раза: Во время междоцарствия, потом со Степаном Тимофеевичем Разиным, потом под предводительством Пугачева, он подымался бунтом громадным и все-народным, потрясавшим в самих основаниях его ненавистное ему государство и грозившем стереть с лица земли три ненавистные ему государственные сословия, живущие его потом и кровью: чиновное дворянское, именитое купечество и казенное духовенство.

В первый раз, народ победил, но дал боярам, купцам и попам себя надуть, дозволит им сохранить московский престол и посадить на него дом Романовых, который потом, известным рядом подлогов и с помощью гвардейских солдат обратился в дом чисто немецкий, Гольштейн-Готорпский, и был, и продолжает быть, под обоими именами, самым жестоким врагом народного благосостояния и народной свободы.

В другие два раза, народный бунт, после первых побед, повергших весь льготный мир в трепет необъятный, был в свою очередь побежден и потоплен в народной крови. Он был побежден, потому что ни при Стеньке Разине, ни при Пугачеве, далеко не была еще выработана революционная мысль, соответствующая могучим народным инстинктам, вследствие чего – вся участь народного бунта зависела от гения, от личной силы и от личного счастья одного лица – Стеньки Разина, а потом Пугачева.

После Пугачевского бунта, были правда огромные местные бунты, обнимавшие целые области, но не было всенародного русского бунта. Однако русский народ бунтовать не переставал. – Кому же это лучше знать как не вам?

Проходит ли год, проходит ли месяц, чтобы не послали того или другого военного отряда усмирять мужиков? Значит мужики бунтуют. Зачем же они бунтуют? От жиру что ли? Или потому, что уже очень избалованы царской милостью и надеются на царя? Да, еще десять лет тому назад, они в самом деле надеялись на царя; но теперь перестали надеяться. За это большое спасибо Александру Николаевичу! Он, никто как он научил и вразумил мужиков, убив в них окончательно эту несчастную, историческую веру в царское провидение, и доказав им десятилетним кровавым опытом, что у народа нет хуже врага чем царь, и что единственно на царя опирается сила всех его супостатов.

Народ ни от кого не ждет защиты теперь, и не надеется более ни на чью справедливость, ни на чье милосердие. Он знает, что каждый бунт кончается для него страшными истязаниями и ухудшением его положения. И все-таки бунтует! Значит мочи не стало терпеть – мужицкие бунты повсеместны, только еще раздельны. – В этом вся слабость их.

У кого есть сердце для действий народных, тот должен думать теперь об одном: как бы соединить все эти местные, раздельные бунты, в один бунт всенародный, способный победить и свалить государство, и как бы, *сообразуясь строго с собственными инстинктами и вековыми требованиями народа*, определить, в главных чертах, программу народную, которая заключая в себе в одно и тоже время и последнюю цель и первые меры, шаги и способы революции, могла бы создать, на развалинах государства, свободу и счастье народа.

Десятилетнее мышление и горячее искание молодого бессословно-грамотного поколения, опираясь на целом ряде искренних опытов, самоотверженных попыток и подвигов, за которые множество лучших людей поплатилось, кто свободой, а кто даже и жизнью, выработали наконец эту программу – программу не книжно-педантскую, но живую, простую, простонародную, а вместе с тем соответствующую требованиям самого развитого разума.

Основание программы самое широкое, самое человеческое: полнейшая свобода и полнейшее равенство всех людей обоих полов и всякого возраста, основанные на общественной собственности и на общем труде, равно для всех обязательном, исключая, разумеется, тех, которые предпочтут голодную смерть не работая.

Такова ныне программа чернорабочего люда всех стран, и эта программа вполне соответствует вековым инстинктам и требованиям нашего народа. Я говорю не по одному соображению только и не по догадке, а основываясь на множестве опытов сделанных и делаемых беспрестанно членами нашей организации. Предлагая эту программу чернорабочему люду, они не могут надивиться с какой быстротой и как широко он понимает и с какой горячностью принимает ее.

Значит программа готова. Она неизменна. Кто за нее, тот пойдет с нами и будет нам другом. Кто против нее, тот друг всех супостатов народных, царский жандарм, царский палач – наш враг.

Но одной программы еще мало. Для того, чтобы провести ее в сознание народное, и для того, чтобы на основании ее сплотить стихийную силу в народо-революционно-победоносную силу, необходима организация. Мало того, надо чтобы организация создала целый план народного восстания, и чтобы она подготовила первые необходимые условия успеха его. Все это сделано, все это уже существует. Я вам сказал, что наша организация построена так крепко, а теперь прибавлю еще, она пустила уже такие глубокие корни в сам народ, что потерпи мы даже теперь самую страшную неудачу, наша реакция не будет в силах разрушить ее. Она кончит тем, что уничтожит самый корень всякой реакции – государство.

Лакейские газеты и журналы, повинувшись внушениям III отделения, стараются уверить публику, что правительству удалось захватить заговор в самом корне. Оно ничего не схватило, Комитет и организация остались и останутся целы, и оно скоро в том само убедится, потому что народный взрыв близок.

Он так близок, что каждый должен решить теперь – хочет ли он быть нашим другом, другом народа, или нашим и народным врагом. Для всех друзей, к какому бы они сословию и положению ни принадлежали, лишь были бы они только искренни, наши ряды открыты.

Но как отыскать вас? – Спросите вы. Это будет не трудно. Организация, везде окружающая вас и считающая уже много членов между вашими товарищами, сама

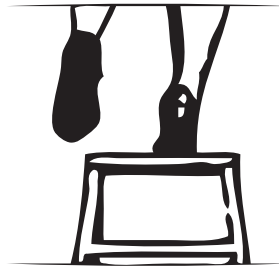
отыщет того, кто будет искать ее с правдивым желанием и твердой волей служить народному делу.

Кто не за нас, тот против нас. Выбирайте.

Михаил **Бакунин**.

Женева, Январь 1870.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
К ОФИЦЕРАМ РУССКОЙ АРМИИ. История Потебни, русской военной организации и
уроки Польского восстания
1870, Январь

ISG, также, Драгоманов "Письма Бакунина к Герцену и Огареву", Приложение.

ru.anarchistlibraries.net